

- "Otechestvennaia istoriia"
- Date:03-01-2001(ОТИ-No.002)
- Size: 55.5 Kbytes .
- Pages 141-153
- Words: 7319

МЕХАНИЗМ ВЛАСТИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (март-апрель 1917 г.).

Автор: Ф.А. ГАЙДА

(с) 2001 г.

Ф.А. ГАЙДА *

После петроградских событий июля 1917 г. в журнале "Сатирикон" появилась карикатура, изображавшая бывшего премьер-министра кн. Г.Е. Львова в виде сидящей на троне статуи, с надписью: "Князю Львову за благонравие и безвредность". Внизу значилось пояснение:

"Личность легендарная. Говорят, будто бы был министром внутренних дел". Редкое политическое безволие стало в глазах современников главной отличительной чертой возглавленного им революционного Временного правительства. Долгие годы борьбы цензового общества за власть в течение нескольких месяцев обернулись полным поражением. Историография обычно целиком связывала его с "классовой природой" новой власти. Таким

---

* **Гайда Федор Александрович**, аспирант исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

образом, исследовалась прежде всего социальная опора институтов, созданных после революционных событий "победившими классами"; она якобы предопределяла исход борьбы за власть. Такой подход также формировал представление о возникшем уже в первые дни революции "двоевластии". Между тем, функционирование властных институтов всегда оставалось в тени, хотя этот аспект не менее важен для понимания революционного процесса, его результатов и перспектив нового государственного строя. Оформление этого строя связано непосредственно с созданием нового механизма управления, т.е. системы принятия и практического осуществления решений, без которой реформирование общественной жизни было бы неэффективным, а правительство оказывалось в "подвешенном", недееспособном состоянии.

Об историографической традиции изучения механизма власти Временного правительства говорить, на мой взгляд, еще рано. Вплоть до последнего десятилетия сюжеты, связанные с формированием органов управления, затрагивались лишь частично и описательно, и историография (советская и западная) обычно ограничивалась констатацией слабости "буржуазного правительства"¹. Интерес к изучению этой темы наметился лишь недавно,

однако ее недооценка часто приводит к формальной постановке вопроса. Так, высказанная Г.А. Герасименко мысль о "многовластии" весной 1917 г. является не чем иным, как логическим развитием прежней концепции "двоевластия"². В некоторых работах, наоборот, не учитывается непосредственное влияние мощного революционного кризиса, определившего статус, курс и эволюцию новой власти, которая рассматривается в отрыве от исторического контекста³. Непосредственное влияние революции на изменение всего характера государственной власти после Февраля впервые отметил У. Розенберг. По его мнению, в 1917г. произошло коренное изменение представлений о роли государства, что было характерно как для Временного правительства, так и для Советов. Он также считает, что началась широкая и целенаправленная "демократизация управления", но она не смогла обеспечить прочности нового режима, поскольку правительство слабо использовало новые инструменты власти. Однако Розенберг не учитывает политической традиции государственного управления при старом порядке, явно переоценивает способность аппарата к столь масштабной и быстрой перестройке и ее положительное влияние на внутреннее положение в стране⁴.

Слабым местом большинства исследований стало смешение формального (юридического, декларативного) и реального аспектов функционирования власти: историки не учитывают фактического состояния дел в аппарате управления и его способности адекватно реагировать на происходившие изменения. Между тем, новая государственная система не могла возникнуть и заработать в одночасье.

Представление о дальнейших путях развития государственности в значительной мере сформировалось уже в марте - апреле 1917 г., когда произошел пересмотр дореволюционных методов управления и отчетливо встала проблема поиска новых путей реализации правительственной воли. Главная задача данной статьи - анализ процесса оформления системы власти в течение очень короткого, но чрезвычайно важного отрезка времени - в период существования первого ("либерального") кабинета Временного правительства. Подобная проблематика позволяет активнее обращаться к тем архивным и опубликованным источникам, которые лишь вводятся в научный оборот: прежде всего, это материалы делопроизводства правительства и его аппарата из фондов ГАРФ, а также мемуаристика, без которой невозможно составить полное представление о непосредственном функционировании революционной власти.

Создание в марте 1917 г. Временного правительства стало результатом политического компромисса различных сил, принявших участие в Февральской революции. По своему характеру новая власть, несомненно, являлась властью революционной, возникшей на основе социального взрыва. Временное правительство также справедливо называлось "общественной властью": суть компромисса заключалась в том, что организованная цензовая общественность вынужденно пошла на соглашение с более радикальными политическими силами, поддержанными в этот момент широкими народными массами. Либералы самими обстоятельствами обязывались формально принять всю полноту власти; их более радикальные союзники не были к этому готовы. В условиях слабой политической организации и гражданской "незрелости" общества совершившие революцию силы уступили представителям либеральной оппозиции роль создателей новой власти, что вовсе не означало безусловного ей подчинения. Именно разрушительность и анархический характер Февральской революции привели к созданию формально единовластного правительства с неопределенной социальной базой. Для либеральной интеллигенции (для нее одной) эта юридическая полнота власти имела чрезвычайно важное значение, нередко отождествляясь в первые после Февраля недели с действительным

единовластием. Однако она вовсе не гарантировала правительству реальной силы и эффективности. Наконец, в таких условиях неизбежно было появление других политических институтов, которые могли декларативно претендовать на властный статус и не располагая легитимностью или реальной силой. И Временный комитет Государственной думы, и Петроградский совет в марте 1917 г. имели не меньший авторитет в обществе, чем правительство. Но успех их дальнейшей борьбы за власть зависел не только от популярности, но и от способности к самоорганизации и решительному осуществлению своего политического курса.

Вместе с тем, кажущаяся ясность политико-правового статуса Временного правительства (вся полнота верховной государственной власти, ограниченная лишь властью Учредительного собрания) скрывала ряд противоречий и трудностей, сковывавших правительственную волю. Революционное правительство, конечно, не обладало и не могло обладать никакой юридической легитимностью. Отречение Николая II вообще не предусматривало смены государственного порядка и создания какого-либо нового органа верховной власти. "Акт 3 марта", единственный санкционирующий создание Временного правительства документ, по своему характеру был уже не "Высочайшим изволением", а "революционной хартией". Он отменял Основные законы, обеспечивал принципиально новые правовые условия и, как признавало само правительство, был "единственной конституцией Русской революции". Тем самым, существование остальных органов власти (например. Думы) теряло всякое законное основание. Конечно, для министров- либералов этот акт играл несколько большую роль и создавал видимость правовой преемственности по отношению к самодержавию. Правительству отныне "по закону" принадлежали все prerogatives монаршей власти, а также законодательные функции палат. Правительство строго оберегало свое формальное единоначалие, которое, по его мнению, "законно" унаследовало только от монарха, но отнюдь не от Думы. Министры были уверены, что Государственная дума сыграла несомненно важную, но чисто политическую роль и ушла в прошлое. Однако все это не было столь очевидно для остальной страны: например, М.В. Родзянко не разделял этого мнения и считал правительство подотчетным Думе, а командующий Северо-Западным фронтом генерал Н.В. Рузский в середине марта (уже после присяги!) был уверен в том, что именно ей принадлежит верховная власть⁵. Тем не менее, всякие попытки навязать министрам пусть даже декларативный контроль, в частности, со стороны Временного комитета Государственной думы (как, впрочем, и Петроградского совета), встречали их дружное сопротивление. Полнота власти правительства основывалась ими (в зависимости от обстоятельств) то на актах прежней власти, то на полномочиях, "предоставленных" революцией.

Революционное правительство считало возможным отменять высочайше утвержденные постановления и указы. Но все акты верховного управления, не противоречившие новым постановлениям, оставались действующими даже несмотря на отмену Основных законов. К тому же, по решению Юридического совещания правительство продлило срок действия тех постановлений, которые были утверждены в порядке 87 статьи и срок действия которых не истек к 27 февраля 1917 г., "вплоть до их отмены Временным правительством без представления в законодательные учреждения"⁶. Эти меры не могли не быть вынужденными, но неизбежно усиливали общую неразбериху в законодательном строе, затронувшую прежде всего местные органы власти, которые без четкой юридической основы оказались теперь в "подвешенном" состоянии. Итак, кадетская "Речь" подвела, как казалось, итог произошедших событий: "Революция, почин Думы и переданный старым

режимом легальный титул - таковы три источника полноты власти Временного правительства" ⁷. Далее оно должно было существовать с опорой на данный акт и широкую политическую поддержку в стране. Но уже в этом противоречивом сочетании квазюридической опоры на законодательство "прежнего строя" и политической - на революционный народ - была неизбежная слабость новой власти, обреченной на поиск реальных оснований своего существования в стране, где революция уже обрела отчетливый социальный характер.

Перед правительством, таким образом, встала необходимость не только определить свои права, но и реализовать их. Однако, по словам А.В. Тырковой, "новые министры, хорошо знающие все конституции и теорию государственного права, совершенно не понимали, что такое власть, ее авторитет и престиж". Анализируя состав правительства, левые и правые его критики очень часто отмечали, что в делах государственного управления его члены были "совершенные новички". Не случайно В.А. Маклаков, по словам В.В. Шульгина, еще до революции признавал, что общественный кабинет невозможен именно потому, что общественные деятели не имеют навыка административной работы. Уже в разгар революции "подтверждалось положение... об отсутствии в русской общественности достаточно способных

стр. 143

и вышколенных административных деятелей. Сказывалось пресловутое русское безлюдье", - в унисон Маклакову говорил его единомышленник М.М. Новиков ⁸. Кадеты действительно заняли посты во Временном правительстве не только из-за того, что стремились к власти, но и потому, что других претендентов в тот момент не оказалось. Себя они считали единственным оплотом государственности на пути социалистической анархии ⁹. Однако эта уверенность не могла заменить им ни политической решимости, ни административных навыков, особенно важных в такой ответственный момент.

Кадетская партия лишь формально могла быть названа правящей, но сама она вполне справедливо так себя не воспринимала. Хотя в правительстве и было, как иногда говорили, "кадетское засилье", но никакого однородного "либерального кабинета" в реальности, конечно, не существовало: ни программу правительства, ни его курс нельзя оценивать как либеральные. Позиция и деятельность министров в силу обстоятельств и их личных качеств далеко не всегда соответствовали их партийной принадлежности. Левое крыло правительства (Н.В. Некрасов, А.И. Коновалов, М.И. Терещенко) сплотилось вокруг Керенского и в апреле завладело инициативой в определении правительственного курса, сутью которого была та попытка "демократизации", о которой говорит У. Розенберг. Однако весной 1917 г. она вела лишь к дальнейшему разрушению государственного аппарата, созданного и способного функционировать лишь в условиях жесткой централизации. Бывшие лидеры либеральной оппозиции не стремились противостоять этой тенденции. Авторитетнейший кн. Г.Е. Львов, питавший в это время революционно-романтические иллюзии, не противостоял им, а по отношению к Керенскому даже занял позицию "робкого заискивания" ¹⁰. Как оказалось, он плохо представлял практическую (административную!) сторону государственного управления и изначально не пытался использовать управленческий аппарат для проведения правительственной политики, считая это проявлением "старой психологии". Надежды Милюкова и других "умеренных" либералов на характер и влияние Львова не оправдались ¹¹. Однако и сами они оказались неспособными противостоять растущей дезорганизации власти. Эта группа в правительстве, в которую входили А.И. Гучков и П.Н. Милюков (а

также А.И. Шингарев и председатель Юридического совещания Ф.Ф. Кокошкин), составляла явное меньшинство. Их размежевание с "левыми" не касалось принципов государственного управления; реформаторская деятельность "умеренных" (гучковские чистки офицерского состава, аграрная политика Шингарева) также проходила под эгидой "демократизации". Разрыв произошел прежде всего по вопросу об отношениях с Петроградским советом. Однако вся "программа" Гучкова в борьбе с ним за фикцию правительственного единовластия свелась к разговорам о том, чтобы попытаться "восстановить порядок в стране" (если понадобится, то и силой) и довести ее до Учредительного собрания. По признанию самого Гучкова, она вызвала активное неприятие большинства правительства и поэтому не была реализована: военный министр не решился на применение войск¹². Само по себе это объяснение ярко характеризует личность А.И. Гучкова, однако причины, конечно, были более веские: ни значительных сил, ни авторитета, ни понимания дальнейших действий у него, очевидно, не было. П.Н. Милюков, по свидетельству общавшегося с ним чиновника юрисконсультской части Г.Н. Михайловского, уже в марте - апреле признавал пассивную роль либералов в революции. "Говорил он также, что положение крайне серьезно, так как левые производят "большой напор", и что единственная объективно возможная тактика заключается в том, чтобы "говорить левые слова" с целью удержаться у власти и затем при благоприятном случае "овладеть движением"... Революция должна быть стиснута, пока ее нельзя прекратить". Михайловский резонно добавляет: "Милюков с его хитроумной тактикой не казался мне (да и другим моим старшим сослуживцам) человеком, могущим противостоять событиям"¹³. Именно Гучков и Милюков, как известно, олицетворяли для социалистов "буржуазную" позицию в правительстве. Но она, изначально бесперспективная, быстро становилась все более и более призрачной на фоне продолжавшейся революции. В руках этих министров не было никаких реальных рычагов власти; впрочем, они (несомненно, и из-за своих политических воззрений), по существу, не пытались их найти и реализовать. В конце апреля Милюков и Гучков оказались в полной изоляции¹⁴.

Между тем, Временное правительство в это время вынуждено было развить колоссальную деятельность и решать самые разнообразные насущные проблемы. Организация работы, несомненно, происходила по ходу дела. В результате на правительственных заседаниях царил неразбериха. Решения принимались в атмосфере чрезвычайной спешности. Посетивший одно из таких заседаний по своим редакторским делам И.В. Гессен вспоминал: "За длинным столом вразбивку сидело несколько министров, глубоко погружившихся в лежавшие перед ними бумаги, с краю возвышалась знакомая фигура старого друга Набокова... в центре кн. Львов,

стр. 144

точно всеми брошенный и озирающийся по сторонам, не оторвется ли кто-нибудь от бумаг, чтобы прийти к нему на помощь. Керенского, Милюкова и Терещенки не было, они пришли к концу обсуждения, а некоторые конца заседания не дождались и уходили, не простившись. Мои объяснения отнюдь не отвлекали министров от бумаг..." Близкий к министрам, в частности к кн. Львову и Шингареву, кн. С.Е. Грубецкой впоследствии утверждал, что при таких порядках некоторые законы выходили без согласования в правительстве, без учета исправлений и т.д.¹⁵ Министры собирались обычно один - два раза в день (в марте - без выходных). Вечером проходили закрытые заседания, на них обсуждались важнейшие политические вопросы, связанные с курсом правительства. Ежедневные собрания сочетались с работой в министерствах, и неудивительно, что министры испытывали постоянную усталость¹⁶. Несмотря на это, им по традиции,

унаследованной от дореволюционного Совета министров, приходилось ежедневно рассматривать совершенно незначительные дела, связанные с кадровой политикой, ассигнованием средств и т.д., причем, поступающие как в законодательном, так и в распорядительном порядке. Поток дел не уменьшился и в апреле, когда их рассмотрение было частично передано специально созданному Совещанию товарищей министров.

В марте при Временном правительстве начинает складываться аппарат управления. Принципы и организация его деятельности мало отличались от дореволюционных, в новых условиях он действовал более спешно, но от того менее четко и поэтому не мог быть эффективен. Для обеспечения правительственного делопроизводства на базе канцелярии Совета министров в начале марта была срочно создана канцелярия Временного правительства; она обязана была также осуществлять контакт правительства с аппаратом в центре и на местах. Но и без этого у нее было достаточно работы: канцелярия была завалена десятками тысяч поздравительных телеграмм и сотнями тысяч мелких прошений (обычно о кредитах и ассигнованиях), что, по свидетельству очевидцев, составляло едва ли не единственную ее заботу¹⁷. Подготовительная работа юридического и экспертного характера с конца марта проводилась Совещанием товарищей министров, в обязанности которого входило рассмотрение дел "малого Совета министров". Совещание, по мнению исследователя Н.В. Белошапки, имело четко определенные функции и было гораздо эффективнее своего дореволюционного прототипа. Однако по отношению к деятельности совещания в марте - апреле этот вывод вряд ли оправдан. На первом же заседании был поставлен вопрос о передаче второстепенных дел в министерства для разрешения в порядке управления. Но он так и не был решен, и совещание занялось подготовкой к заседаниям Временного правительства второстепенных дел, накопившихся с июня 1916 г. (той самой злополучной "вермишели", за которую либералы нещадно критиковали прежнюю власть). Оно проводило значительную работу в помощь правительству, но поток дел, проходящих через последнее, тем не менее, сократить не удалось¹⁸.

20 марта Временное правительство постановило создать Юридическое совещание, в ведении которого были "вопросы публичного права, возникшие в связи с установлением нового государственного порядка"; оно должно было давать "предварительные юридические заключения по мероприятиям Временного правительства, имеющим характер законодательных актов", а также иным, которые правительство вносило на его рассмотрение. Исследуя его полномочия, Н.В. Белошапка сделал вывод, что совещание "представляло собой высшую коллегия, где было сосредоточено решение всех юридических вопросов, возникавших при осуществлении Временным правительством законодательных функций". Однако уже в тексте постановления, утвержденного 22 марта, не уточнялось, обязательным ли было такое внесение для утверждения законодательных актов¹⁹. На практике правительство направляло совещанию далеко не все законопроекты. Некоторые проходили экспертизу в юрисконсультской части министерства юстиции. До апреля через эту инстанцию прошло лишь несколько незначительных дел²⁰. Изначально юрисконсультская часть должна была рассматривать изменения в законодательстве с целью ликвидации сословного, национального и религиозного неравенства, а также готовить изменения в Уголовном уложении и т.д.²¹ Четкого разделения функций при этом не было²², дела иногда поступали из Юридического совещания в министерство и наоборот, иногда шли параллельно²³. Это было следствием неразберихи, а также политической и ведомственной конкуренции: Министерство юстиции стало "вотчиной" социалистов, а в Юридическом совещании все важные посты были у кадетов. При этом нельзя сказать, что партийная принадлежность оказывала существенное влияние на характер готовившихся документов.

Уже в марте совещание подготовило 31 доклад Временному правительству; были также выработаны такие важные документы, как постановления об актах верховного управления, утвержденных до 27 февраля, об использовании 87 статьи ОГЗ, о волостном земском

стр. 145

управлении; кроме того. Юридическое совещание само подготовило постановление о своих функциях. Но оно также не избежало рассмотрения мелких дел (например, дела о покупке посуды для Совещания товарищей министров). В докладных записках отмечалась большая загруженность совещания, тяжелые условия работы. Расстройство государственного аппарата приводило к тому, что совещание не всегда вовремя и без труда получало все узаконения правительства и постановления Временного комитета Думы и вынуждено было специально испрашивать их ²⁴.

Весь централизованный механизм управления России, во время войны находившийся в состоянии тяжелого кризиса, в феврале - марте 1917 г. был не только обезглавлен, но и полностью дезориентирован. В частности, была ликвидирована вся прежняя репрессивная система. "Старый порядок рухнул сразу и бесследно, как картонный домик", - писал каширский уездный предводитель дворянства В.В. Татаринов. Ему вторил и его политический противник А.Ф. Керенский: "Март, апрель 1917 года были главным образом периодом распада старых связей. Распалось все: старое представление о власти и отношение к ней, старые устои экономической, социальной и государственной жизни, старый строй в армии, старое отношение к войне и миру, отношения между центром и окраинами. Все государство сверху донизу расплавилось, находилось в сильнейшем брожении, а война, как таран, ударяла извне по телу России, заставляя ее все сильнее и сильнее содрогаться... Как-то сразу оказалось, что вся реальная сила в государстве попала в руки солдат, крестьян и рабочих по преимуществу. Куда исчезло все остальное, но **исчезло сразу...**" ²⁵. До революции либералы могли надеяться, что реформирование государственного аппарата можно осуществить путем "привлечения общественных сил", ограниченной реорганизации и удаления отдельных лиц. Но теперь новой власти необходимо было также восстанавливать и укреплять управленческий аппарат. Создавалось неизбежное противоречие: вынужденная спешная реорганизация в таких условиях не могла способствовать росту эффективности власти. Поэтому в достижении своих задач Временное правительство закономерно не продемонстрировало ни решимости, ни последовательности.

Старый бюрократический аппарат не оказал никакого сопротивления новой власти, в первое время в его среде даже господствовало видимое воодушевление. "Как легко чины разных ведомств приспособились к новому строю. Не нашлось, кажется, ни одного человека, который заявил бы, что он по своим убеждениям не может оставаться после всего совершившегося", - писала "Речь" ²⁶. В системе отраслевого управления целенаправленные революционные "чистки" сильно затронули лишь Военное министерство. Обычно же увольнялись только наиболее не соответствующие новому строю лица. Например, за март 1917 г. по МВД (одному из наиболее "вычищенных" министерств) было уволено два товарища министра, два начальника главных управлений и один директор департамента, в апреле - один управляющий отделением, девять членов совета и еще десять подали прошения. Как правило, основанием для увольнения была личная просьба. Так, по Министерству юстиции удалось даже соблюсти принцип несменяемости судей. На место уволенных "на скорую руку" назначались лояльные

чиновники, а также общественные деятели, деятели науки и присяжные поверенные в Министерстве юстиции²⁷. Известный кадет земец В.А. Оболенский так описывал свой разговор с товарищем министра юстиции А.А. Демьяновым по вопросам кадровой политики во II департаменте Сената: автор посоветовал ему назначать туда провинциальных адвокатов и вскоре узнал, что один его знакомый именно по этому совету попал в Сенат. Оболенского "поразила... та легкость, ... с какой производились государственной властью назначения на высшие государственные посты"²⁸. Обычно назначаемые лица принадлежали к той партийной фракции Государственной думы или организации, членом которой был сам министр; политические убеждения ценились выше деловых качеств. В большинстве министерств, тем не менее, отставки и назначения были эпизодичны, здесь ограничивались только масштабной внутренней реорганизацией. Значительные реформы проходили в МВД; в марте - апреле были ликвидированы главное управление по делам печати и 2 департамента (полиции и духовных дел иностранных вероисповеданий), создавались главное управление по делам милиции ("центральный орган, заведующий общественной безопасностью") и Книжная палата. В департаменте общих дел сохранялись все 8 отделений, но у трех из них значительно менялись функции. Дела упраздненных департаментов переходили в департамент общих дел, главную заботу которого составляли реорганизация министерства и "ломка старых структур". На департамент также были возложены организация местных органов управления, городская и административная реформы, обеспечение гласности и оповещение населения о работе правительства, "чистки", реформа образования, решение польского вопроса. Здесь оказалась сосредоточена почти вся работа министерства²⁹.

стр. 146

В то время как властная вертикаль прежнего государственного аппарата была уничтожена революцией, новая система реально не сложилась, представляя собой нагромождение законодательных комиссий и исполнительных комитетов. Новые органы власти действовали чрезвычайно спешно и хаотично, их бессилие влекло за собой постоянные реорганизации. В итоге система принятия решений сложилась только в зачаточном виде, а механизм их исполнения фактически отсутствовал. К тому же господствовало убеждение о сугубо временном, а потому почти необязательном характере всех принимаемых мер. Окончательное решение о системе органов власти оставляли Учредительному собранию, созыв которого в марте намечался на срок не позднее лета 1917 г. Поэтому, например, разработчики реформы местного управления никакой четкой системы исполнения решений Временного правительства не предполагали и обычно предпочитали говорить лишь об общих инструкциях, не носящих характера органических законов³⁰. В этих условиях правительство не могло и не надеялось сделать исполнимыми свои законы и распоряжения. Не от хорошей жизни А.И. Шингарев в министерских коридорах советовал попросту не исполнять только что принятые нереальные законы: "Кто, мол, там вас будет проверять"³¹.

Повседневная работа органов центральной власти значительно осложнялась ростом неразберихи в них самих и безначалия за их стенами. Все это могло повлечь лишь деморализацию аппарата. Уже 5 марта М. Палеолог сообщал в депеше: "В военной и гражданской администрации царит уже не беспорядок, а дезорганизация и анархия"³². Слабо управляемый чиновничий аппарат по сути саботирует работу административных органов. В Военном министерстве, например, началась борьба за шестичасовой рабочий день и шла массовая запись в эсеры³³. В целом, министерские чиновники самого разного уровня воздействуют на политику правительства в гораздо большей степени, чем это было

до революции. Нередко сами они создают оппозицию министрам, и "коллективное настроение всего личного состава" теперь оказывает на них "могущественное влияние"³⁴. Это было связано как с ослаблением власти глав министерств, так и с быстрым процессом радикализации низшего чиновничества.

В течение первой недели марта (за редким исключением) прекратили свою деятельность губернаторы и вице- губернаторы, полиция и жандармерия, земские и крестьянские начальники. Они не оказали никакого сопротивления и даже какого бы то ни было влияния на события (по свидетельству очевидцев, последним распоряжением земских начальников было вынести портреты императора из помещений волостных правлений³⁵). Все указанные институты и должности были упразднены Временным правительством, как правило, задним числом. Львов публично заявлял: "Правительство сместило старых губернаторов, а назначать никого не будет. На местах выберут. Такие вопросы должны разрешаться не из центра, а самим населением"³⁶. Но некоторые формальные меры правительство все же предприняло: его циркуляры предписывали постепенную смену земских начальников временными судьями, сохранение института крестьянских начальников (которые должны были отныне лишь контролировать решения схода); 5 марта полиция была официально заменена милицией³⁷. Между тем, реально ни старые, ни новые органы государственной власти в марте - апреле не действовали. К тому же отсутствовала всякая правовая система. Деятельность местных властей регулировалась лишь циркулярами МВД. Зачастую на местах новая структура власти в эти месяцы даже не начала формироваться³⁸. Земство (слишком умеренное по составу) находилось в кризисе, а новые общественные организации не были так сильны и организованны, чтобы осуществлять полномочия государственной власти, да они и не предназначались для этого³⁹.

Правительство в целом все же осознавало необходимость ограниченных временных реформ в сфере управления. Эту задачу формулировали и в общественной среде. 28 марта VII съезд конституционно-демократической партии принял резолюцию, в которой говорилось: "К числу наиболее неотложных вопросов следует отнести возможно спешное осуществление обещанной правительством реформы городского и земского самоуправления и установление нормальных отношений между Временным правительством и учреждениями на местах". Однако только к середине апреля началось законодательное оформление новой властной системы. Центральное место в отношениях правительства с провинцией должен был занять институт губернских и уездных комиссаров. По сути они были единственными представителями государства на местах. Создавшуюся после ликвидации местных органов власти гигантскую брешь в управлении

стр. 147

должно было заполнить местное самоуправление (комитеты общественных организаций, новые демократические губернское, уездное и волостное земства, городские думы, земельные и продовольственные комитеты). В идеале, по словам В.А. Мякотина, "роль... местных органов власти всего лучше могут выполнить органы местного самоуправления, построенного на общем избирательном праве и свободного от каких бы то ни было привилегий и ограничений сословного или классового, национального или вероисповедного характера". О том же постоянно заявлял и министр-председатель. 14 марта министерство внутренних дел **предложило** своим губернским комиссарам формировать на местах губернские, уездные, волостные, городские и поселковые комитеты из состава общественных организаций. Юридическое совещание 22 марта

заявило о необходимости передать этим органам самоуправления " всю полноту государственной власти на местах " ⁴⁰ . В провинции в это время принимались аналогичные решения, 26 марта саратовская конференция общественных городских исполнительных комитетов губернии постановила считать общественные исполнительные комитеты всех уровней, от губернии до села, " официальными органами власти Временного правительства на местах " ⁴¹ .

Тогда же МВД поручило губернским комиссарам организацию волостных комитетов, которым временно надлежало выполнять функции волостного управления. " При образовании этих комитетов, - говорилось в телеграмме министерства, - следует опираться на существующие волостные продовольственные комитеты, на кооперативные организации, на волостные попечительства по призрению нижних чинов или на избранные уже волостные комитеты, в зависимости от того, какие из этих организаций по местным условиям являются более жизнедеятельными, работоспособными и внушают наибольшее доверие населению. К работе этих комитетов рекомендуется привлекать также местных землевладельцев и все интеллигентные силы деревни. Председатели волостных комитетов, избранные из среды последних, и их помощники, если комитет признает нужным установить таковых, ведают исполнительную часть волостного управления. Впредь до издания указа об образовании волостного земства порядок действия, предметы ведомства и объем власти волостного управления остаются без изменения... " Таким образом, официальный курс правительства в административной сфере был сформулирован: оно совершенно отказывалось от " уродливого " принципа централизации ⁴² .

Для подготовки соответствующих реформ в составе МВД был создан отдел по делам местного управления, в рамках которого с конца марта действовали совещания по реформе губернских учреждений (под председательством В.В. Хижнякова), делам местного управления и самоуправления в неземских губерниях (под председательством Б.Б. Веселовского), избирательному закону и пересмотру земского и городского положений (председатель В.Д. Кузьмин- Караваяев). Из трех совещаний были созданы комиссии по волостному земству и поселковому управлению, избирательному праву, милиции, административной юстиции, комиссарам, местным финансам и неземским губерниям ⁴³ . Основной задачей комиссии по разработке положения о комиссарах Временного правительства в губерниях и уездах было обеспечить координацию их деятельности с правительством и местным самоуправлением. В ходе работы были определены лишь общие принципы статуса комиссаров.

Назначаемый правительством губернский комиссар должен был являться главным " носителем власти Временного правительства в губернии "; он не подчинялся какому-либо конкретному ведомству. Циркуляры предоставляли ему все права губернаторов " за исключением отпавших вследствие происшедших в государственном строе изменений ". Комиссар имел право надзора за всеми отраслями гражданского управления, однако совещание существенно ограничило его полномочия: административных функций он не имел, мог только издавать постановления и надзирать за " законностью и целесообразностью " действий органов местного самоуправления через информирование правительства и опротестование их в местном суде (!). В его ведении также было землеустройство, " общий надзор за милицией " и право вызова войск. Все губернское управление заменялось советом при комиссаре, в состав которого входили его помощники, а также инспектора милиции, строительные и врачебные инспектора, председатель окружного суда и прокурор. Уездные комиссары, назначаемые по рекомендации местных исполкомов, могли осуществлять лишь общую координацию

действий и надзор, но не уездных органов (полностью самоуправляемых), а волостных и поселковых правлений⁴⁴.

стр. 148

Проект положения о комиссарах был вынесен на съезд губернских комиссаров (22-24 апреля). Его делегаты заявили о необходимости срочной более общей реформы местного управления и самоуправления, но отмечали невозможность в сложившихся условиях унифицировать систему местного управления. Единственными реальными органами власти на местах признавались временные волостные исполкомы и советы. "Не следует забывать, что без активной поддержки указанных организаций (советов. - Ф.Г.) власть комиссара сводится к нулю", - говорилось на съезде. В итоге его делегаты поддержали принцип единоличного управления комиссара, но его назначение, по их мнению, должно было согласовываться с губернскими комитетами общественных организаций. Комиссары получали право надзора над местным самоуправлением, но не имели права ревизии. Комиссар должен был осуществлять общее руководство милицией, но в целом она оставалась в подчинении органов самоуправления. На съезде также раздавались голоса в пользу государственного финансирования советов, но они не нашли отклика у представителей правительства⁴⁵.

Постановление о комиссарах вышло только 26 апреля и "увенчало здание" новой административной системы. Но механизм реализации положения не был отрегулирован даже к осени (хотя ни один из кабинетов правительства не менял взятого курса), о чем и говорилось на последующем съезде в августе⁴⁶. Наряду с положением о комиссарах 15 апреля правительство опубликовало временный закон о городских участковых управлениях и гласных городских дум. 21 апреля были официально учреждены земельные комитеты. 17 апреля вышло постановление о милиции (пункт 1-й гласил: "Милиция есть исполнительный орган государственной власти на местах, состоящий в непосредственном ведении земских и городских общественных управлений"⁴⁷; милиция должна была существовать в уездах и городах, в губерниях она уже не предусматривалась). Были подготовлены законопроекты о городском самоуправлении, земских собраниях и создании волостного земства. Эти акты стали основными законодательными мерами первого состава правительства в данной области, однако ни один из них в апреле фактически не вступил в силу.

На местах же сложилась далеко не та картина, которую хотело видеть правительство. Д.Дж. Рейли, рассматривая взаимодействие правительства с комиссарами, справедливо заключает: "Даже беглое знакомство с правительственными циркулярами убеждает, насколько возможности власти были ограничены"; налицо был "административный паралич" всей системы власти⁴⁸. Эсеровская газета "Дело народа" также признавала: "Старой власти нет: одни органы разрушены, другие нежизнеспособны, а главное - лишены всякого авторитета в глазах населения"⁴⁹. Как говорилось на съезде, губернские и уездные комиссары не имели реальной власти (даже такой ограниченной, какая им предназначалась) и целиком зависели от низовых органов самоуправления, советов и комитетов общественных организаций. "Каждая волость действует самостоятельно, игнорируя распоряжения Временного правительства, комиссары отделяются большей частью посылкой телефонограмм, которые никто не слушает, прокуратура бездействует, а суда совсем нет", - сообщали в Постоянный совет дворянских обществ из Казанской губернии⁵⁰. Нередко комиссары действовали без назначения правительства, уездные комиссары - без назначения губернскими. Иногда они избирались раньше назначения и

правительству приходилось признавать их. При этом они не всегда являлись председателями земских управ, среди них часто встречались судебные следователи, присяжные поверенные, преподаватели гимназий, лица свободных профессий и даже студенты⁵¹. Четкой системы управления не было, а о существующей комиссары не всегда сообщали правительству. С апреля оно предприняло анкетирование губернских и уездных комиссаров, которое не завершилось и в августе, но охватило далеко не все губернии. Материалы анкет были крайне скудны и свидетельствуют не только о малой осведомленности правительства, но также и о чрезвычайно слабой и неоформленной власти комиссаров⁵². Последние в свою очередь мало что знали о деятельности Временного правительства на местах. Они были загружены работой, нередко вынуждены были выполнять земские, судебные и полицейские обязанности. Финансы распределялись без должного контроля, подчас они тратились на содержание партий и советов. Полномочия и функции государственной власти часто принимали на себя советы и комитеты общественных организаций⁵³.

Очень высока была сменяемость губернских и уездных комиссаров. За март свои должности

стр. 149

оставили 22 из 55 губернских и 262 из 439 уездных комиссаров. В Пермской губ. за 2 месяца сменилось 3 губернских комиссара, из уездных не сменился до 1 июня только один. Зачастую место комиссара могло оставаться незамещенным или этот пост вообще отсутствовал. Наконец, комиссаров нередко арестовывали или отстраняли от должности. Все это позволяет усомниться в том, что комиссары реально стали представителями центральной власти на местах⁵⁴. Земельные и продовольственные комитеты, а также милиция не могли стать их опорой из-за слабости, неоформленности и, порой, радикального настроения. Милицию обычно контролировал местный совет. Главной же силой в городах становятся быстро разлагающиеся военные гарнизоны⁵⁵. Выписанный в романе Б. Пастернака "Доктор Живаго" трагикомический образ зыбушинского уездного комиссара Гинца, пытавшегося силой слова урезонить солдат-дезертиров и убитого ими, - замечательное олицетворение положения, царившего в местном управлении.

Бедственное положение власти сочеталось с нарастанием анархии, когда, по словам Милюкова, ведущей силой в России стала "сила дезорганизации"⁵⁶. Временное правительство продемонстрировало свою полную неспособность удержать ситуацию под контролем. Причина крылась не только в слабости правительства, но и в его нерешительности и неуверенности в своем курсе. Да и сами принципы государственного строительства не могли привести к созданию сколько-нибудь сильной власти. Правительство слишком долго и без всяких оснований надеялось на то, что революционный энтузиазм сможет заменить государственный порядок, что "все успокоится"⁵⁷. Характерно, что в итоговом для первого кабинета воззвании от 26 апреля, в разгар Апрельского кризиса, оно сообщало, что "в основу государственного управления оно полагает не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти", что "ищет опоры не в физической, а в моральной силе"⁵⁸. Даже по мнению социалистических лидеров, "буржуазный" характер правительственного курса проявлялся исключительно в "непредрешенчестве", нежелании и неспособности решать важнейшие общественные проблемы⁵⁹.

Таким образом, коалиция стала неизбежным итогом деятельности первого Временного правительства, слабой попыткой найти реальную политическую опору и свидетельством полного краха его политического курса. Однако создание коалиционного правительства могло лишь отсрочить окончательное разрушение всего государственного порядка. Отнюдь не из-за простого "соглашательства" Петроградский совет вплоть до Апрельского кризиса ограничивался лишь декларациями о "революционном контроле" за властью и умеренным давлением на правительство через контактную комиссию. В сфере государственного управления Советы весной 1917 г. пока еще не представляли реальной альтернативы даже беспомощному Временному правительству и тоже никак не могли обеспечить создания новой системы власти. Их сила и авторитет проистекали из прямой зависимости от местного населения, в этот период они являлись лишь орудием разрушения старого порядка. Подобный характер и отсутствие сколько-нибудь четкой организации в масштабах страны не позволяли возложить на них функции управления. Петроградский совет представлял собой еще достаточно рыхлую структуру⁶⁰. Декларативно провозглашенные "двоевластие" и "революционный контроль" в конкретных обстоятельствах марта-апреля 1917 г. обернулись тесным взаимодействием и подчас даже сотрудничеством, основными формами которого стали согласование интересов в контактной комиссии, работа советских комиссаров в отдельных ведомствах и т.д. Руководство Совета, декларативно отмежевываясь от правительственной политики, в то же время реально не препятствовало ей, в том числе и в самом важном вопросе о мире⁶¹. В целом, невозможно убедительно доказать непосредственное и реальное (а не декларативное) противостояние правительственных и советских структур в это время. Поэтому теория "двоевластия" применительно к данному периоду несомненно нуждается в значительной корректировке, если не пересмотре. События весны 1917 г., стихийный, анархический характер Апрельского кризиса свидетельствуют скорее о беспомощности всех политических институтов, краткосрочном "балансе бессилия" в их отношениях, столь характерном для многих революций. После падения самодержавия в России воцарилось безвластие, и его неизбежное усиление не оставляло никаких шансов ни "либеральному" правительству, ни умеренно- социалистическому Совету.

стр. 150

Итак, вопреки господствовавшему в марте 1917 г. настроению. Русская революция не завершилась с "бескровным переворотом". Временному правительству пришлось существовать в условиях все более усиливающегося революционного движения. Созданное на основе компромисса, это правительство неизбежно вынуждено было учитывать интересы разных политических сил. Но для проведения своего политического курса оно должно было не только иметь реальную опору среди определенных слоев общества и представляющих их движений, партий, учреждений; осуществление властных полномочий также всегда и непосредственно связано с целенаправленной и эффективной работой государственного аппарата. Отсутствие не только реальной политической опоры, но и действенного механизма власти, неспособность создать его (даже в условиях коалиции) оставляли новую власть наедине с революционной стихией, не позволяли оформить новый государственный и политический строй. Растущее безвластие открывало дорогу для государственного строительства на принципиально иных основаниях.

Примечания

¹ Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 3, 245, 249, 251. К сожалению, автор исследования ограничился по преимуществу

опубликованными источниками. См. также: Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 310, 362; Фарфель А.С. Борьба народных масс против контрреволюционной юстиции Временного правительства. Минск, 1969. С. 59; Скрипилев Е.А. Карательная политика Временного правительства и аппарат ее проведения. Автореф. дис. ... к.и.н. М., 1970. С. 16- 17, 23; Hasegava Ts. The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle; L., 1981. P. 140-141, 310, 347, 378, 545, 584-586, 611-632; Rosenberg W.G. Liberals in the Russian Revolution. Princeton, 1974. P. 47-53, 523.

² Герасименко Г.А. Состояние власти в России весной 1917 года // История России: диалог российских и американских историков. Саратов, 1992. С. 135-147; его же. Власть и народ. 1917. М., 1995. С. 55,65-68,76-80,96-102.

³ Белошапка Н.В. Временное правительство в 1917 году: механизм формирования и функционирования. М., 1998; Николаев А.Б., Поливанов О.Л. К вопросу об организации власти в феврале-марте 1917 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 131-144.

⁴ Розенберг У. Государственная администрация и проблема управления в Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира... С. 119-130. В целом, статья раскрывает принципы реформирования железнодорожного управления.

⁵ Телефонный разговор Н.В. Рузского с М.В. Родзянко от 18 марта // Русская летопись. Кн. 3. Париж, 1921. С. 158-159.

⁶ Нольде Б.Э. Набоков в 1917 году // Архив русской революции. Под ред. И.В. Гессена. Т. 1-22. М., 1991-1993 (далее - АРР). Т. 7. С. 7; ГА РФ ф. 1792, оп. 1, д. 12, л. 13,43.

⁷ Речь. 1917. 7 марта. См. также: Милюков П.Н. История второй русской революции. Ч. 1. Киев, 1919. С. 5-53; его же. Воспоминания. М., 1991. С. 458-480.

⁸ Борман А. А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Вашингтон, 1964. С. 127-128; Бубликов А.А. Русская революция. Нью-Йорк, 1918. С. 29; Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 434; Новиков М.М. Моя жизнь от Москвы до Нью-Йорка. Нью-Йорк, 1952. С. 256.

⁹ См., напр.: ГА РФ, ф. 5102, оп. 1, д. 766, л. 1-2. Письмо И.И. Петрункевича к А.А. Корнилову от 5 мая 1917г.

¹⁰ Бубликов А.А. Указ. соч. С. 30, 40. См. подобную точку зрения: Старцев В.И. Указ. соч. С.117.

¹¹ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 474-475, 480; Новиков М.М. Указ. соч. С. 256-257; Еропкин А.А. Записки А.В. Еропкина, члена Государственной думы // ГА РФ, ф. 5881, оп. 2, д. 335, л. 128-129.

¹² Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 228; Гучков А.И. Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 75-79.

¹³ Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914-1920. М.,1993. С. 261,264.

¹⁴ Набоков В.Д. Временное правительство // АРР. Т. 1. С. 40, 42; Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Т. 1. Париж, 1963. С. 60-65, 108.

¹⁵ Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // АРР. Т. 22. С. 365; Трубецкой С.Н. Минувшее. М., 1991. С. 167.

стр. 151

---

¹⁶ Набоков В.Д. Указ. соч. С. 33.

¹⁷ Друцкой-Соколинекий В.А. На службе Отечеству. Записки русского губернатора. Орел, 1994. С. 299; ГА РФ, ф. 1779, оп. 2, д. 62.

¹⁸ Белошапка Н.В. Указ. соч. С. 46; ГА РФ, ф. 1778, оп. 1, д. 59, л. 1-2.; ф. 1779, оп. 1, д. 67, л. 3.

¹⁹ Белошапка Н.В. Указ. соч. С. 48-49; ГА РФ, ф. 1792. оп. 1, д. 11, л. 1.

²⁰ РГИА. ф. 1405, оп. 532, д. 1510, л. 1-13.

²¹ Таганцев Н.Н. Из моих воспоминаний // 1917 год в судьбах России... С. 247, 249.

²² См.: Михайловский Г.Н. Указ. соч. С. 313. Сам автор недоумевает, почему некоторые дела не направлялись совещанию.

²³ ГА РФ, ф. 1792, оп. 1, д. 12, л. 104-143 об.; РГИА, ф. 1405, оп. 532, д. 1358, л. 94-120.

²⁴ Там же, ф. 1792, оп. 1, д. 1, д. 30-34; д. 12, л. 12, 13, 43, 48; д. 42, л. 1-3; д. 43, л. 3 об.

²⁵ Татаринов В.В. Первые дни революции в Кашире // ГА РФ, ф. 5881 (РЗИА), оп. 2, д. 676, л. 4; Керенский А.Ф. Опыт Керенского // Там же, оп. 1, д. 725, л. 68.

²⁶ Речь. 1917, 7 марта.

²⁷ Демьянов А.А. Моя служба при Временном правительстве // АРР. Т. 4. С. 63-65; Михайловский Г.Н. Указ. соч. С. 250-252; Таганцев Н.Н. Указ. соч. С. 248; ГА РФ, ф. 1788, оп. 1, д. 63, л. 1-3; ф. 1800, оп. 1, д. 18, л. 2.

²⁸ Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 521.

²⁹ ГА РФ, ф. 1788, оп. 1, д. 1; д. 59; л. 11; ф. 1800, оп. 1, д. 2, л. 48-49; д. 18, л. 1-36.

³⁰ ГА РФ, ф. 1788, оп. 6, д. 5, л. 1-1 об.

³¹ Шидловский С.И. Воспоминания // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. М., 1991. С. 138.

³² Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 262.

³³ Гучков А.И. Указ. соч. С. 99-102.

³⁴ Михайловский Г.Н. Указ. соч. С. 246-247.

³⁵ ГА РФ, ф. 5881, оп. 2, д. 676, л. 4.

³⁶ Полнер Т.И. Жизненный путь кн. Г.Е. Львова. Париж, 1932. С. 245-246. Впоследствии этот чисто социалистический принцип кн. Львова неоднократно подвергался критике (см., напр.: Милюков П.Н. Воспоминания. С. 480), но в то время никто против него не выступил.

³⁷ Россия. Временное правительство. Министерство внутренних дел. Циркуляры министерства внутренних дел. Пг., 1917 (далее - Циркуляры). С. 5, 9, 32, 54.

³⁸ ГА РФ, ф. 1788, оп. 2, д. 43, л. 3, 12, 21, 30. Переписка Временного правительства и Государственной думы об организации органов местного самоуправления.

³⁹ О состоянии земства и комитетов общественных организаций см.; Рейли Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995. С. 106-108, 112-113; Герасименко Г.А. Общественные исполнительные комитеты в революции 1917 года // 1917 год в судьбах России... С. 155-156 и др.

⁴⁰ ГА РФ, ф. 523, оп. 3, д. 6, л. 3; ф. 1800, оп. 1, д. 18, л. 4; ф. 1779, оп. 1, д. 59, л. 17 об.

⁴¹ Рейли Д. Дж. Указ. соч. С. 89.

⁴² ГА РФ, ф. 1788, оп. 2, д. 69, л. Ю.

⁴³ Там же, д. 1, л. 1-2; д. 35, л. 1-3.

⁴⁴ Циркуляры. С. 7-8; Революционное движение в России в апреле 1917 года. Апрельский кризис. Документы и материалы. М., 1958 (далее - Апрельский кризис). С. 311-312; ГА РФ, ф. 1788, оп. 2, д. 6, л. 12-15; оп. 6, д. 5, л. 50-57.

⁴⁵ ГА РФ, ф. 1788, оп. 2, д. 5, л. 6-6 об., 10-33; д. 6, л. 25.

⁴⁶ Там же, оп. 1, д. 2, л. 1-3.

⁴⁷ Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. Пг., 1917. N 97. Ст. 537.

⁴⁸ Рейли Д. Дж. Указ. соч. С. 113.

⁴⁹ Дело народа. 1917. 31 марта.

⁵⁰ ГА РФ, ф. 434, оп. 1, д. 87, л. 46.

⁵¹ Там же, ф. 1788, оп. 2, д. 64, л. 93, 356.

⁵² Там же, д. 64. Сохранились анкеты по 19 губерниям (в основном Европейской части империи; материалы по некоторым уездам отсутствуют) и 3 областям.

⁵³ Циркуляры. С. 6-7, 23-24, 33, 35, 54, 60-63, 65; Полнер Т.И. Указ. соч. С. 245-246; Рейли Д. Дж. Указ. соч. С. 90; ГА РФ, ф. 1788, оп. 2, д. 64, л. 50-70; ф. 1800, оп. 1. д. 2, л. 19-20; ф. 5881, оп. 2, д. 335, л. 128-135.

⁵⁴ ГА РФ, ф. 1788, оп. 2, д. 64, л. 235-272; Баженова Т.М. Институт губернских и уездных комиссаров Временного правительства // Сб. уч. трудов Свердл. юрид. ин-та. Вып. 44. Свердловск, 1975. С. 76-77; Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С. 165.

стр. 152

---

⁵⁵ См.: Вахромеев В.А. Продовольственные комитеты в 1917 году. М., 1984. С. 16; Герасименко Г.А. Власть и народ. С. 76-80, 96-102; Звягинцева А.П. Организация и деятельность милиции Временного правительства России в 1917 году // Автореф. дис. ... к.и.н. М., 1972. С. 22, 27;

Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975. С. 105; Рейли Д.Дж. Указ. соч. С.86,90.

⁵⁶ Милюков П.Н. Мартовская революция // ГА РФ, ф. 5856, оп. 1, д. 145, л. 16.

⁵⁷ Куропаткин А.Н. Дневник ген. А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1927. N 1 (20). С. 66.

⁵⁸ Вестник Временного правительства. 1917. 26 апреля.

⁵⁹ Год русской революции (1917-1918 гг.). Сб. ст. М., 1918. С. 3, 28, 30, 35, 81-82; Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 138-141; ГА РФ, ф. 5881, оп. 1, д. 725, л. 20-21, 68-69; Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1919. М., 1994. С. 31-36; Церетели И.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 22-24. Т. 2. С. 403; Чернов В.М. Рождение революционной России. Февральская революция. Париж; Прага; Нью-Йорк, 1934. С. 208-209, 227, 243-254, 343.

⁶⁰ Церетели И.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 38; Станкевич В.Б. Указ. соч. С. 52; Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1. М., 1991. С. 188.

⁶¹ Пешехонов А.В. Первые недели // Страна гибнет сегодня... С. 264-265; Станкевич В.Б. Указ. соч. С. 39-67.

стр. 153

постоянный адрес статьи: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/3634562>